

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ ГЕНЕАЛОГИИ ПОНЯТИЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ПАМЯТИ

ПАВЕЛ ДОЦЕНКО

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается соотношение понятий «историческая политика» и «политика памяти» в Центральной Европе после 1989 года. В фокусе внимания автора находятся политические и коммеморативные формы обращения к прошлому, сложившиеся в условиях посткоммунистической трансформации, демократического транзита и евроинтеграции. Особое место занимает анализ процесса рукотворного соотношения национальных исторических нарративов с наднациональными европейскими нормами и символическими рамками. На материале польской, венгерской, чешской и словацкой понятийных традиций показано, что историческая политика и политика памяти в научном и публичном дискурсах часто сближаются, но не сводятся друг к другу. Историческая политика в большей степени относится к институционализированным стратегиям публичной власти по управлению прошлым, тогда как политика памяти охватывает более широкий социокультурный и коммеморативный регистр практик. В целом различие между этими понятиями сохраняет самостоятельное аналитико-методологическое значение для исследования центральноевропейских режимов памяти после 1989 года.

Ключевые слова:

Центральная Европа; историческая политика; политика памяти; евроинтеграция.

Введение

Обращение к прошлому как политическому ресурсу не ново и составляет предмет классической историографии, связанной с конструированием национальных нарративов в XIX–XX веках [Berger 2007: 31, 39–40, 54]. В этой традиции вопрос об «исторической политике» следует рассматривать не только как часть более широкой проблематики национальной истории и

национальной идентичности, но и в рамках становления европейской государственности в целом. Характер и пределы взаимопроникновения политики и истории стали предметом размышлений в исторической науке уже в первой половине XIX века, в частности в работе Леопольда фон Ранке «О пересечении и углублении истории и политики», написанной в 1836 году¹. Историки XIX–XX веков играли важную роль

¹ Ranke Leopold von. Über das Verhältnis der Geschichte zur Politik. Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ranke/histpoli/histpoli.html> (дата обращения: 05.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.11.2025

Дата принятия к публикации: 16.05.2026

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: paveldotsenko1998@mail.ru

в формировании национального сознания, тогда как государство стремилось влиять на интерпретацию прошлого через образовательную, кадровую и архивную политику. На раннем этапе влияние на интерпретацию прошлого осуществлялось главным образом через кадровый контроль в университетах, организацию архивов и систему школьного исторического образования, однако со временем спектр таких институциональных механизмов расширился. Политические и социальные процессы влияли также на развитие исторической культуры: расцвет интереса к прошлому сменялся периодами его проблематизации и вытеснения.

Именно столкновение обществ с революциями, колониальными войнами и прежде всего двумя мировыми войнами породило травмирующий опыт, приведший не к утрате памяти в буквальном смысле, а к кризису публичных режимов осмысления прошлого и вытеснению отдельных пластов исторического опыта [Hobsbawm 1994: 3–4, 12–14, 26; Huyssen 2000: 23]. Процессы утраты и возрождения исторической памяти никогда не были беспристрастными, а актуализация одних традиций и забвение других определялись потребностями настоящего, включая поиск смысла, солидарности, идентичности и чувства принадлежности, что делало их связь с текущей политической линией неизбежной.

«Долгий» XIX век превратил обращение к прошлому в институционально организованный ресурс государственности посредством стандартизированных школьных канонов, унифицированных языков и героических нарративов «возрождений» и «освободительных войн». Речь шла не о простой популяризации исторического знания, а о формировании новых граждан через дисциплинарные практики урока, парада, памятника и юбилея, то есть «изобретённых традиций», которые скрепляли современные политики в условиях всеобщей

воинской повинности и расширения избирательного права [Hobsbawm 1983: 263]. Вместе с тем канонизировалась и идея о необходимости селективности памяти: уже в конце XIX века Э. Ренан утверждал, что нации питаются как общей памятью, так и «полезным забвением», без которого невозможен политический консенсус². В совокупности это создавало механизм, благодаря которому административная унификация и правовая кодификация получали символическое оправдание, а территориальная власть — культурные основания, признанные большинством. Эта длительная историческая траектория важна постольку, поскольку позволяет рассматривать обращение к прошлому не как ситуативный эффект политических кризисов, а как устойчивый механизм воспроизводства легитимности.

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет период после 1989 года, когда в Центральной Европе обращение к прошлому было заново институционализировано в условиях демократического транзита, евроинтеграции и переопределения национальных нарративов. Именно в этот период различие между исторической политикой и политической памяти приобретает не только терминологическое, но и аналитико-методологическое значение. Цель статьи заключается в выявлении аналитико-методологического значения различия между понятиями «историческая политика» и «политика памяти» применительно к Центральной Европе после 1989 года. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проследить историческую и концептуальную эволюцию политического обращения к прошлому в европейском контексте; определить содержание европеизации памяти как нормативного и институционального процесса; сопоставить национальные понятийные традиции Центральной Европы, прежде всего польскую, венгерскую, чешскую и словацкую;

² Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Conférence faite en Sorbonne. Paris: Calmann Lévy, 1882. P. 7–11.

установить, в каких случаях понятия «историческая политика» и «политика памяти» выступают как аналитически разграниченные, а в каких – как частично пересекающиеся. Исследовательская гипотеза статьи состоит в том, что историческая политика и политика памяти в постсоциалистической Центральной Европе представляют собой пересекающиеся, но не тождественные способы политического обращения к прошлому, различающиеся по составу акторов, инструментов и уровней институционализации. Проверка данной гипотезы предполагает, с одной стороны, анализ европеизации памяти как процесса институциональной и нормативной перестройки обращения к прошлому, а с другой – сопоставление национальных понятийных традиций, в которых различие между исторической политикой и политикой памяти получает различную степень аналитической артикуляции.

Степень разработанности рассматриваемой проблемы следует признать значительной, но неравномерной. Теоретические основания исследования памяти, коллективных представлений о прошлом и их политической институционализации были заложены в работах А. Ассман, показавшей роль памяти в формировании культурных и нормативных рамок современного европейского пространства [Assmann 2006; Assmann 2007]. Проблема общеевропейских режимов памяти, их внутренней иерархии и включения в них восточноевропейского опыта получила развитие в исследованиях Ш. Леггеве и М. Мьяльксоо [Leggewie 2008; Mälksoo 2009]. Политико-институциональное измерение памяти и конфликты вокруг прошлого в странах Центральной и Восточной Европы были подробно рассмотрены Ж. Минком и Л. Ноймайер [Mink, Neumayer 2013]. В свою очередь, собственно соотношение понятий историческая политика и политика памяти, их генеалогия, нормативная нагруженность и связь с государственными стратегиями интерпретации прошлого анализируются в работах как зарубежных [Troebst 2014; Traba 2015; Корецек 2008;

Nagy 2020], так и отечественных исследователей [Миллер 2012; Малинова 2019; Бетмакаев 2021]. Таким образом, проблема достаточно хорошо разработана на уровне теории памяти, национальных кейсов и исследований публичной коммеморации, однако остаётся недостаточно прояснённой в сравнительно-понятийном и методологическом отношении, особенно применительно к Центральной Европе после 1989 года.

Методология исследования определяется междисциплинарным характером поставленной проблемы. В статье используется сочетание сравнительно-историографического, сравнительно-понятийного и проблемно-исторического подходов. Сравнительно-историографический подход позволяет реконструировать, как в различных национальных академических традициях осмыслились историческая политика, политика памяти и их соотношение. Сравнительно-понятийный анализ даёт возможность выявить семантические, дисциплинарные и методологические различия между соответствующими категориями в немецком, польском, чешском, словацком, венгерском и англоязычном научных полях. Проблемно-исторический подход используется для анализа европеизации памяти после 1989 года как процесса, в рамках которого национальные режимы обращения к прошлому соотносятся с наднациональными нормами, институтами и символическими ожиданиями.

Вместе с тем принципиальное значение приобретает не только выбор исследовательских подходов, но и операционализация ключевых понятий. Понятие «память» в настоящей статье понимается как социально и политически опосредованный комплекс представлений о прошлом, циркулирующих в публичной сфере и закрепляемых в институтах, ритуалах, символах, образовательных практиках, музейных репрезентациях и правовых нормах. Под «европеизацией памяти» понимается процесс, в ходе которого национальные режимы обращения к прошлому частично перестраиваются под воздействием наднацио-

нальных европейских норм, институтов и символических рамок. Речь идёт не о вытеснении национальных исторических нарративов, а об их соотношении с обще-европейскими стандартами критической рефлексии о войне, тоталитаризме, Холокосте, правах человека и демократической ответственности. Понятие «режим памяти» означает совокупность правил, институтов и доминирующих представлений, которые определяют, как общество «помнит» прошлое в публичном пространстве.

Структура статьи подчинена логике решения поставленных задач. В первой части рассматривается европеизация памяти и формирование нормативных режимов обращения к прошлому в Европе, что позволяет обозначить наднациональный контекст центральноевропейских трансформаций после 1989 года. Во второй части анализируются терминологические генеалогии и национальные контексты употребления понятий «историческая политика» и «политика памяти» в странах Центральной Европы. В заключении обобщаются результаты исследования и формулируются выводы о пределах и аналитической продуктивности разграничения указанных понятий.

Европеизация памяти и нормативные режимы

Опыт Первой мировой войны радикально изменил способы публичного осмысления прошлого, развернув повсеместные практики скорби и ритуалы коллективного траура. Появление культа Неизвестного солдата, массовых воинских мемориалов и «ландшафтов скорби» встретило опыт тотальной мобилизации и смерти в повседневность, придав коммеморации статус языка государственного объяснения налогов, социальной политики и моральных претензий государства на лояльность [Winter 2014: 1–5]. Исследователь Дж. Л. Мосс ещё во второй половине XX века показал, как политическая эстетика и символика войны – парады, монументы – «национализуют массы», связывая аффект скорби с патриотическим воображением, дисципли-

налируя граждан в пространстве ритуалов [Mosse 1975: 21–22, 76, 208]. В результате коммеморация перестаёт быть лишь компонентом политики: она становится технологией, через которую государство управляет эмоциями и нормирует рамки легитимного политического участия. Этот сдвиг создал предпосылки для активной инструментализации прошлого межвоенными режимами в целях массовой мобилизации, тогда как официально конструируемые образы прошлого легитимировали практики исключения и насилия.

Вторая мировая война и Холокост реорганизовали европейские «режимы памяти», введя язык преступлений против человечности и персональной ответственности в институциональный оборот. Нюрнбергские процессы и национальные суды трансформировали историческое осмысление в правовую артикуляцию, став основой для легитимации послевоенных порядков через дистанцирование от недавнего прошлого и институционализацию новых норм ответственности и правосудия [Magrus 1997: 228–235, 244].

Однако в Польше, Чехословакии и Венгрии официальная «версия памяти» сочеталась с практиками вытеснения неудобных тем – репрессий, депортаций, погромов – и с полуофициальными формами коммеморации. К 1970–1980-м годам именно эти формы памяти подпитывали альтернативные гражданские идентичности и языки прав человека, готовя символический ресурс будущих «Бархатных революций». Вместе с тем в западноевропейских демократиях происходила постепенная «централизация» темы Холокоста в публичной истории: исследования, журналистские расследования, новые музеи и учебные реформы изменили баланс между героической и «проблемной» историей. Этот поворот соответствовал переходу к истории как нравственно-правовому уроку, где государственная легитимность всё более зависела от способности признавать провалы и защищать права, а не от апелляции к героическому происхождению [Assmann 2007: 11–14].

Одновременно развивались локальные практики коммеморации и мемориальные инициативы, смещавшие внимание к судьбам конкретных жертв и микроисторическим сюжетам и тем самым формировавшие новую «грамматику» публичной истории, уже различимую в музейном и образовательном поле 1980-х годов. Эта новая «грамматика», опирающаяся на ответственность, свидетельство и права, подготовила условия для послевоенной европеизации памяти, хотя институционализация наднационального уровня последует уже после 1989 года [Assmann 2006: 213–216, 220–223].

В то же время процесс европейской интеграции XX–XXI веков предъявлял новые запросы к общеевропейской памяти и общим историческим нарративам. При этом обращение к тематике европейской идентичности началось задолго до Маастрихтского договора. Уже в «Декларации о европейской идентичности», принятой в Копенгагене 14 декабря 1973 года, главы государств и правительств стран Европейских сообществ предприняли попытку определить общие основания европейского единства, связав их с политическими ценностями, общим наследием и признанием культурного многообразия Европы³. Маастрихтский договор 1992 г. не открыл эту проблематику, а придал ей новую институциональную и политико-правовую форму, закрепив Европейский союз как политическое сообщество и учредив гражданство ЕС⁴. Тем самым символическое измерение интеграции, ранее артикулированное преимущественно на уровне деклараций и политического языка, получило более чёткое договорное оформление.

Именно в этих рамках память о трагическом опыте XX века всё более отчётливо приобретала статус одного из оснований

европейской публичности. Уже тогда исследователями высказывалась идея «конституционного патриотизма», в рамках которого приверженность общим идеалам, проявляющаяся в контексте конкретных демократических институтов, особенно конституции, может оказаться гораздо более инклюзивным и мощным катализатором для создания общей политической идентичности [Habermas 1996: 499, 506–507, 512–514].

В условиях, когда страны Вишеградской группы стремились продемонстрировать свою культурно-цивилизационную принадлежность к Европе и дистанцироваться от советского наследия, историческая политика стала инструментом включения в этот дискурс. Концепты «возвращения в Европу» и «разрыва с тоталитарным прошлым» требовали от новых демократий переосмысления национальной истории, акцентирования тех её элементов, которые могли бы служить доказательством европейской идентичности. Обращение к памяти о демократиях межвоенного периода, традициях либерального национализма или сопротивления тоталитаризму оказывалось не просто внутренним инструментом легитимации, но и внешнеполитическим сигналом, адресованным Брюсселю и западным партнёрам. Новейшие исследования международных отношений показывают, что политика памяти может выступать не только формой внутренней символической мобилизации, но и инструментом внешнеполитического сдерживания: государства стремятся воспрепятствовать действиям других акторов, если те угрожают коллективным нарративам, лежащим в основании их онтологической безопасности. Для этого используются политическая риторика, декларации, коммеморативные практики и «законы памяти» [Gustafsson, Mälksoo 2024: 1–3].

³ Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 December 1973. CVCE. URL: https://www.cvce.eu/de/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (accessed: 05.011.2025).

⁴ Treaty on European Union. Maastricht, 1992. European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A11997M%2FTXT> (accessed: 05.11.2025).

Одновременно с этим историческая политика становилась связующим звеном между внутренними процессами построения новых обществ и внешними задачами интеграции. Она позволяла не только закрепить новую легитимацию власти внутри страны, но и продемонстрировать способность к разделению общих ценностей, зафиксированных в европейских договорах. В этом смысле именно память о трагических событиях XX века — мировых войнах, тоталитарных режимах, массовых репрессиях — была переосмыслена в качестве общего исторического фундамента европейской государственности. В контексте ЕС это означало необходимость выработки общеевропейского режима памяти, в которую национальные нарративы должны были встроиться, чтобы подчеркнуть принадлежность к европейскому пространству памяти⁵.

После 1989 г. историческая политика стала одним из ключевых инструментов в государствах Центральной Европы. Исследования показывают, что конфликты вокруг памяти — от люстрации до переименований улиц и законодательства о «национальной памяти» — оказались встроены в повседневную демократическую конкуренцию, а не сводились к одноразовым актам переходного правосудия [Mink, Neumayer 2013: 1–3]. В период нахождения у власти прокоммунистических лидеров в странах Центральной Европы этнонациональные исторические нарративы нередко подавлялись, однако после 1989–1991 годов возвращение к собственной национальной истории стало одним из главных средств легитимации вновь обретённого суверенитета. Национальные элиты несколько противоречиво строили новые государственные идентичности, пытаясь опереться на исторические традиции, легитимизируя «вновь обретённую национальную суверенность» и одно-

временно доказывая «принадлежность к Европе», что нашло отражение в конституциях и преамбулах к ним в 1990-х годах [Halász 2024: 131–134].

Отечественный исследователь Валерий Алексеевич Ачкасов отмечает, что в результате начавшихся «войн памяти» в Восточной Европе произошёл радикальный пересмотр исторического прошлого: на первый план вышла политическая конъюнктура и вопросы национального строительства. Соперничество исторических нарративов, вызванное национализацией истории, с одной стороны, служило обоснованию уже достигнутого, а с другой — утверждению желаемого политическими элитами положения, что неизбежно вело к проведению исторической политики [Ачкасов 2013: 111–112]. В молодых демократиях Центральной Европы историческое прошлое стало аргументом для демонстрации преемственности с «той Европой, контуры которой совпадали с границами Евросоюза», а в национальных исторических нарративах, наряду с тезисом об исключительности собственной истории, звучали идеи о «единстве национальной истории с европейской». Реставрация классического национального нарратива одновременно служила и способом публично отмежеваться от коммунистического прошлого как «чуждого, навязанного извне».

Вместе с тем присоединение к обязательствам Европейского союза и Совета Европы с самого начала предполагало признание восточноевропейскими государствами необходимости сохранения памяти о Холокосте и Второй мировой войне как «общеевропейской ответственности». Форумировки рекомендаций Комитета министров Совета Европы «о преподавании истории в Европе XXI века»⁶ или ряд резолюций Парламентской ассамблеи уже

⁵ Leggewie C. Seven Circles of European Memory. Eurozine. 20.12.2010. URL: <https://www.eurozine.com/seven-circles-of-european-memory/> (accessed: 05.11.2025).

⁶ Council of Europe. Committee of Ministers. Recommendation to Member States on History Teaching in Twenty-First-Century Europe (adopted 31 October 2001). Strasbourg: Council of Europe. URL: <https://search.coe.int/cm/?i=09000016805e2c31> (accessed: 05.11.2025).

закладывали нормы «критического отношения к прошлому»⁷.

Однако упорядочение исторических дискурсов шло сложно: изучение центральной европейской истории выявило, что «общей положительной памяти» не существует – страны разделены не только прошлым, но и различной памятью о нём [Бетмакаев 2021]. В этом смысле историческая политика стран Вишеградской группы в 1990-е годы выполняла двойную функцию: она была инструментом внутренней демократической легитимации и одновременно средством «европеизации» идентичности. Память о тоталитарном опыте и национальных формах сопротивления этому опыту использовалась для конструирования образа государств как «жертв» коммунизма и как носителей европейских ценностей свободы и демократии. Подобное использование прошлого позволяло вписать национальные истории в метанарратив европейской государственности, где центральное место занимал опыт преодоления трагического XX века и утверждение новых норм политического сообщества.

Уже к концу 1990-х – началу 2010-х годов складывается признанная исследовательская модель «кружковой» или концентрических сфер европейской памяти, где Холокост выступает «отрицательным основанием» и нормативным центром, а вокруг него выстраиваются другие пласты: ГУЛАГ, депортации и изгнания, колониализм, миграция, европейская интеграция как «успех» [Leggewie 2008: 219–223, 228–231]. Эта модель одновременно аналитическая и нормативная: она задаёт архитектуру согласования конкурирующих нарративов, но фиксирует иерархию «уроков», тем самым формируя рамки «общеευропейского канона» памяти.

С другой стороны, восточноевропейские стратегии утверждения собственной европейской принадлежности настаивали на включении в общеевропейское пространство памяти специфического опыта региона, прежде всего памяти о коммунистических репрессиях и тоталитарном прошлом, что периодически порождало коллизии – от напряжения между памятью о Холокосте как нормативном центре европейской памяти и памятью о преступлениях коммунистических режимов до споров об их соотношении – и требовало от наднациональных институтов выработки более гибких процедурных решений [Mälksoo 2009: 660–667; Kucia 2016: 99–112]. В результате после 1989 г. европейская государственность обрела символическую основу, но сохранила множественность центров исторического повествования, которые интегрировались не в рамках единого нарратива, а посредством правовых норм, мемориальных институтов и практик публичной коммеморации [Littoz-Monnet 2012: 1183]. Работа с прошлым в Центральной Европе перестала быть исключительно сферой культурной коммеморации и приобрела выраженное институциональное и нормативное измерение. Европеизация памяти сделала прошлое не только ресурсом символической самоидентификации, но и инструментом внутренней легитимации, правовой кодификации и внешнеполитического позиционирования.

Терминологические генеалогии и национальные контексты

В этих условиях особое значение приобретает разграничение понятий, с помощью которых описываются политические формы обращения к прошлому. Там, где «память» фиксирует широкий культурно-символический регистр, понятие «историческая

⁷ Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE). Resolution 1096 on Measures to Dismantle the Heritage of Former Communist Totalitarian Systems. Strasbourg: Council of Europe, 1996. URL: <https://pace.coe.int/en/files/16507> (accessed: 05.11.2025); Resolution 1481 Need for International Condemnation of Crimes of Totalitarian Communist Regimes. Strasbourg: Council of Europe, 2006. URL: <https://pace.coe.int/en/files/17403> (accessed: 05.11.2025); European Parliament. European Parliament Resolution of 2 April 2009 on European Conscience and Totalitarianism. Official Journal of the European Union. 27.05.2010. P. 25–27. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52009IPI0213> (accessed: 05.11.2025).

политика» задаёт целенаправленность государственных вмешательств в обращение к прошлому.

Различные движения с XIX века и ранее мобилизовали прошлое для легитимации, но истоки современной формулировки понятия «историческая политика» (нем. *Geschichtspolitik*) берут своё начало в 1980-х годах, когда к власти в Германии пришли христианские демократы. Они предприняли попытку пересмотра сложившейся вокруг «негативного мифа» о Холокосте традиции «проработки прошлого», которая к тому моменту складывалась в немецкой мемориальной культуре (нем. *Vergangenheitsbewältigung*) [Troebst 2014]. Общественно-политическая дискуссия привела к возникновению в академической среде так называемого спора историков (нем. *Historikerstreit*), завязавшегося между, с одной стороны, сторонниками пересмотра немецкой национальной идентичности, возникшей за десятилетия после окончания Второй мировой войны, а с другой – теми, для кого её ядром оставался категорический императив признания коллективной вины за Холокост. Несмотря на победу вторых, эта полемика повлияла на восприятие понятия «историческая политика» как ревизионистского [Калинин 2021: 357]. Историки, анализировавшие немецкие прецеденты и дискуссии, включая *Historikerstreit* и последующую рефлексию, развили представление об исторической политике как о сложном явлении, где академическое знание, политическая интенция и общественная практика пересекаются в борьбе за «власть» над интерпретацией прошлого.

Постепенно это понятие перешло в польский научный и политический дискурс и было воспринято как терминологическое, так и содержательно как *polityka historyczna*, а впоследствии вошло и в русский язык в виде уже известного нам понятия «историческая политика». В Польше на протяжении длительного времени исторические дебаты занимали существенное пространство публичных дискуссий, а само понятие историческая политика во многом было призвано критически осмыслить собствен-

ное прошлое и национальные традиции [Wolff-Powęska 2007: 3–44; Traba 2015: 11–14]. Однако ближе к середине 2000-х годов ряд польских историков призвал к активному переосмыслению исторической политики в русле более «патриотичного» взгляда на польскую историю и укрепления государственной репутации на международной арене [Gawin, Kowal 2005: 11–14]. Польский историк Р. Траба охарактеризовал её как «новую историческую политику», главной чертой которой стал отказ от ранее принятого «критического патриотизма» и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии [Траба 2009: 44–47]. С этого момента в польском публичном дискурсе значение *polityka historyczna* сузилось, обозначая резкую интенсификацию использования истории в политических целях, а уже в начале XXI века такая трактовка распространилась и в других посткоммунистических странах Восточной Европы [Миллер 2012: 7–8].

Говоря об исторической политике как специфическом аналитическом обозначении, важно отдельно отметить, что в академической литературе это понятие прочно утвердилось в исследованиях, посвящённых Центральной и Восточной Европе, где после 1989 г. политика в отношении прошлого со временем начала приобретать новую интенсивность и институциональную форму. Сложность вопросу добавляет тот факт, что трансляция понятия в другие языки и научно-политические поля сопровождалась семантической адаптацией. Вследствие этого даже исследователи, исследовательские школы и политические акторы, имея в виду одно и то же эмпирическое явление, нередко используют различными понятиями, причём каждое из этих решений несёт в себе собственную семантическую нагрузку и методологический акцент.

Различия обусловлены по меньшей мере несколькими факторами. *Во-первых*, переводческими практиками и национальной интеллектуальной традицией – перевод иностранных концептов часто сопровождается локальной семантической корректировкой. *Во-вторых*, нормативной окраской

понятия — понятия «память» и «история» могут различно соотносить степень политической инструментализации и научной авторитетности, где, например, «память» может подчёркивать многоголосие и практики воспоминания. В результате семантическая «мозаика» совпадений и различий создаёт ситуацию, в которой одни и те же действия — переименование топонимов, реформы школьных программ, установление памятных дат, создание мемориалов — описываются разными терминами и понятиями, а разные по характеру явления оказываются объединены под одной лексемой в зависимости от исследовательской перспективы и коммуникативной цели.

В центральноевропейских исследованиях нет единого подхода к этой проблеме. Польский социолог Лех Михаил Нияковский выступает за прямое употребление понятия «политики памяти», а не «исторической политики» [Nijakowski 2008: 28–29; 44], при этом многие его коллеги не согласны с ним. Как резюмировала Анна Вольф-Повеска, «историческая политика — это искусство делать выводы из прошлого» [Wolff-Powęska 2007: 38], намекая на значение понятия для критического осмысления польской истории. Некоторые современные польские исследователи, пытаясь балансировать между негативной и позитивной коннотациями понятия, говорят, что историческая политика является своего рода способом «заниматься политикой», в ходе которого истинные или более или менее сфальсифицированные и мифологизированные знания об истории рассматриваются как средство для удержания власти, её завоевания или участия в ней [Ponczek 2013: 7–8]. При этом они упоминают, что все страны реализуют и признают необходимость проведения исторической политики, а Польше просто требуется её более «взвешенная и демократическая» версия, которая бы формировала «патриотизм». С одной стороны, польская литература раз-

водит *polityka historyczna* как государственно координируемые меры «управления прошлым», и *polityka pamięci* как более широкий социокультурный и коммеморативный регистр [Ponczek 2013: 12]. С другой стороны, в польских работах нередко встречается и синонимизация [Wójcik 2016: 439], особенно когда речь идёт о внешнеполитических или имиджевых задачах, что отражает конвергенцию понятий в публицистике и прикладных исследованиях. Практика деятельности польского Института национальной памяти (*Instytut Pamięci Narodowej, IPN*) дополнительно размывает границу между исторической политикой и политической памяти, поскольку этот институт одновременно работает в сфере государственно регулирования интерпретаций прошлого и в сфере публичной коммеморации.

С определёнными оговорками к этому мнению присоединяются некоторые венгерские исследователи. В частности, Грета Сипос положительно оценивает политику памяти (венгер. *emlékezetpolitika*) как способ критического осмысления прошлого, но при этом предостерегает от самооправдания и создания официальных «нарративов памяти» [Sipos 2015: 147–148]. Такое использование понятия *emlékezetpolitika* для критического осмысления прошлого перекликается с изначальным польским вариантом *polityka historyczna*. Венгерское академическое сообщество также разделено в оценке политики памяти или исторической политики. Например, в процессе публичной дискуссии историк Балаш Аблонци указал, что реальная история не имеет ничего общего с политикой памяти, тогда как другой исследователь, Атилла Пок, призвал быть менее радикальными и резюмировал: «Мы должны отказаться от претензии на то, что только мы знаем правильный путь в историю, в прошлое»⁸.

При этом в венгерском академическом и публичном поле пара *emlékezetpolitika* и историческая политика (венгер. *történe-*

⁸ Fazekas Z. Létezik olyan politikai hatalom, amely erővel próbálja ráerőltetni a nézeteit a tudományra. Qubit. 19.04.2019. URL: <https://qubit.hu/2019/04/19/letezik-olyan-politikai-hatalom-amely-erovel-probalja-raeroltetni-a-nezeteit-a-tudomanyra> (дата обращения: 05.11.2025).

lempolitika) функционирует как конкурирующие, но часто взаимозаменяемые ярлыки. В историографических обзорах прямо фиксируется их параллельность (венгер. *emlékezetpolitika vagy történelempolitika*) [Nagy 2020: 181–182], то есть употребление политики памяти (или политики истории) как эквивалентных обозначений. Одновременно в венгерских исследованиях фиксируются переводческие трудности и размытость границ между понятиями [Fischer 2012: 389–390]. Институционально это закрепляется через государственные структуры памяти, например «Комитет национальной памяти», что фактически нормирует *emlékezetpolitika* как правовой и управленческий регистр, охватывающий и то, что в других традициях относили бы к «политике истории»⁹. Таким образом, в венгерском корпусе присутствуют обе линии — терминологическое разведение в аналитике и практическая синонимизация в употреблении.

В словацком контексте устойчиво сосуществуют историческая политика (словак. *politika dejín*) и политика памяти (словак. *politika pamäti/pamätová politika*), причём первое выражение в исследованиях политической истории и транзитологии описывает институционализацию и нормативизацию интерпретации прошлого, тогда как второе употребляется для обозначения коммеморативных режимов, программ и практик публичного воспоминания. Кроме того, в сравнительных и тематических работах оба понятия функционируют рядом и нередко взаимно пересекаются, что видно как в академических публикациях, например о *pamätová politika* применительно к 1968 году¹⁰, так и в работах по *politika dejín* в связи с идеей «примирения с прошлым» (словак. *vyrovnávanie sa s minulosťou*)¹¹. Наконец, правовой и институциональный якорь в виде «Института национальной

памяти» закрепляет политику памяти на уровне государственных практик, что в медийном и прикладном дискурсе ведёт к частичному размыванию границы с «политикой истории».

В чешском академическом сообществе также нет единства мнений не только в отношении взаимосвязи рассматриваемых понятий, но и в вопросе их трактовки. Ряд исследователей интерпретирует историческую политику (чеш. *politika dějin*) как попытку институционализировать и юридически или политически урегулировать отношение всего общества к прошлому, в основном к непосредственно предшествующему, добавляя, что она эквивалентна несколько неопределённому понятию «политики примирения» с коммунистическим прошлым в чешском контексте. При этом они отделяют от этого политику памяти (чеш. *politika paměti*), определяя её как часть более широкой политики идентичности, которая должна обозначать стремление подчеркнуть и продвинуть в политическом процессе или использовать конкретную форму коллективной исторической памяти [Gjuričová, Koreček, Roubal, Suk, Zahradníček 2012: 10–12]. Исследователи также отмечают, что в научном и в ещё большей степени в медийном дискурсе оба понятия нередко «перекрываются» и смешиваются, вследствие чего границы их значений остаются недостаточно чёткими. Чешский историк Михаил Копечек в своей работе на английском языке не проводит чёткого разделения понятий историческая политика (*politics of history*) и политика памяти (*politics of memory*), следуя практической полисемии и переключая понятия в зависимости от обсуждаемого кейса. Показательно в этом смысле, что, анализируя польскую *polityka historyczna*, М. Копечек сопоставляет её с «национальной памятью», включая институты нацио-

⁹ Magyarország. Évi CCXLI. Törvény a Nemzeti Emlékezet Bizottságáról. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1300241.tv> (accessed: 05.11.2025).

¹⁰ Jašek P. Rok 1968 v pamätovej politike na Slovensku // Soudobé dějiny. 2019. Vol. 26. No. 4. P. 541.

¹¹ Kmet' N. Politická história a spoločnosť po roku 1989 // Studia Politica Slovaca. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 6.

нальной памяти, и прямо описывает *national memory* как часть *state-driven politics of history*, а далее, уже в критическом пассаже, говорит о *politics of memory*, которая стремится вытеснить исследовательскую историческую работу единой нормативной интерпретацией [Корецек 2008: 87–89, 91–92]. Тем самым понятия в английском тексте могут работать как частично совпадающие обозначения одного и того же политико-культурного феномена, где конкретный выбор слов определяется контекстом примеров и ожиданиями англоязычной аудитории, для которой граница между двумя выражениями в научном и медийном употреблении давно размыта.

Исходя из этих наблюдений можно обозначить, что проблема носит не языковую, а концептуально-методологическую природу. Синонимическое употребление *politics of history* и *politics of memory* в англоязычной литературе, в том числе у М. Копечека, отражает не столько описание одного и того же явления, сколько переводческо-дисциплинарную конвергенцию разнородных традиций. В немецком и центральноевропейском научном обиходе сложились две разные генеалогии: *Geschichtspolitik* – политика использования истории государством и элитами (учебные программы, музеи, законы, институциональные реформы), и *Erinnerungspolitik* – борьба за формы публичной коммеморации и режимы коллективной памяти. В англоязычном поле *memory studies* эти линии часто размываются, *politics of memory* становится зонтичной категорией для всего спектра «управления прошлым», а *politics of history* употребляется как её частная или стилистическая альтернатива.

Другая сторона проблемы – систематическое смещение уровней анализа при межязыковых переносах. Когда историческая политика (в значении институционально-правового вмешательства государства) и политика памяти (в значении широкой совокупности практик коммеморации и их социокультурной динамики) переводятся на английский без оговорок, исследователь невольно сопоставляет несоизмеримые объекты: например, законы и

ведомства одного контекста с сетями гражданских инициатив и символических практик другого. Это порождает категориальные ошибки в сравнительных исследованиях, где одинаковыми словами описываются разные конфигурации акторов, ресурсов и норм. Польская дискуссия хорошо демонстрирует подобную ситуацию, где пара *polityka historyczna* и *polityka pamięci* в академическом польском чаще разводится, однако в англоязычных обзорах довольно часто конвертируется в *politics of memory/history* без сохранения локальной семантики [Labno 2023: 109–110; Musiał 2023: 75].

В этом смысле «историческая политика» ближе к понятию *policy* в его классическом значении, то есть к совокупности целенаправленных решений и инструментов публичной власти, тогда как политика памяти представляет собой более широкую категорию, охватывающую не только институционализированные стратегии государства, но и неинституциональные, социальные и субнациональные практики обращения к прошлому. Именно поэтому такие явления, как *memory laws*, следует рассматривать прежде всего в рамках исторической политики: в современной научной литературе под ними понимаются законы и иные нормативно-правовые акты, посредством которых государство устанавливает допустимые пределы публичной интерпретации прошлого, его коммеморации и правовой оценки отдельных исторических событий. В этом качестве *memory laws* выступают инструментом институционального закрепления предпочтительных версий прошлого, что особенно характерно для посткоммунистического пространства. Немецкий историк Харальд Шмидт, опираясь на данные количественного анализа употребления соответствующих категорий, пришёл к выводу, что именно понятие историческая политика наиболее прочно утвердилось в немецкоязычном научно-публицистическом дискурсе как ключевое обозначение политического обращения к прошлому [Schmid 2009: 69–70]. Для Центральной Европы, однако, важен не сам факт закрепления данного термина в немецко-

зичном поле, а то, каким образом он был переосмыслен в польском, венгерском, чешском и словацком контекстах, где его значение, функции и соотношение с понятием политика памяти оказались различными.

Анализ дискуссий вокруг понятий историческая политика и политика памяти в различных национальных и дисциплинарных контекстах позволяет предположить, что разграничение между ними носит не только лингвистический, но и концептуально-методологический характер. Отдельные исследователи отмечают, что практически каждая историческая политика — это политика в отношении памяти, однако между ними всегда есть определённая разница [Hahn 2008: 39].

Выбор конкретного понятия должен предопределять исследовательский фокус, где обращение к исторической политике, скорее, акцентирует внимание на институционализированных формах управления прошлым и политико-административных механизмах его репрезентации, тогда как политика памяти открывает пространство для анализа неформальных, культурных, субнациональных и транснациональных практик, а также множественности и конкуренции нарративов. Аргумент «тождественности», утверждающий, что это синонимичные обозначения одной и той же практики, опирается на расширительное понимание политики, когда любая публичная практика обращения с прошлым (памятники, праздники, школьные программы, музеи, публичные речи) — это политика памяти, а историческая политика выступает как терминологическая вариация. Если быть более точным, то различие заключается в том, что политика памяти чаще описывает поле символического и культурного противоборства о значении прошлого (ритуалы, нарративы, конкурирующие версии), тогда как историческая политика акцентирует институциональную, бюрократическую и нормативно-правовую сторону — создание органов, принятие бюджетов и законов, а также внешнеполитические практики, направленные на управление прошлым.

В новейшем обзоре литературы профессор Маастрихтского университета Алин Сирп вновь подчёркивает продуктивность различения между этими понятиями. Как замечает исследователь, если политика памяти связана с практическими и правовыми формами обращения с прошлым, то историческая политика относится к политической коммуникации и символической борьбе за культурную гегемонию [Sierp 2025: 1468]. Отечественный историк Ольга Юрьевна Малинова также считает, что историческая политика является либо отдельным случаем политики памяти, либо оба этих понятия функционируют как гипонимы по отношению к гиперониму «политическое использование прошлого», являясь лишь частными проявлениями общего [Малинова 2019: 289–291].

Исследователь Алексей Ильич Миллер определяет понятие историческая политика как совокупность действий политических акторов, включая государственные институты, политические партии, ведомства культуры, суды и внешнеполитические структуры, направленных на организацию и использование исторического знания для внутривнутриполитических и внешнеполитических целей [Миллер 2012: 19–20]. Польский исследователь Ян Шумский отмечает, что в современном западном дискурсе понятие историческая политика используется для обозначения широкого спектра тем, связанных с историей идей, интеллектуальной жизнью и культурой, а также исторической памятью. Вместе с тем исследователь подчёркивает концептуальную преемственность отечественной трактовки, говоря о её соответствии польскому варианту *polityka historyczna*, указывая на институциональный характер понятия [Szumski 2019: 61–62]. Впрочем, в вопросе размежевания понятий историческая политика и политика памяти, подытоживает историк Александр Георгиевич Цымбал, наблюдается наибольшее расхождение оценок и трактовок. Например, оценки варьируются от их включения в более широкую категорию «символической политики» в понимании О.Ю. Малиновой, то есть публичной деятельности, связанной с

производством и закреплением общественно значимых интерпретаций социальной реальности, до признания исторической политики частным случаем политики памяти [Цымбал 2023: 38–41; Малинова 2019: 289].

Сравнительный анализ национальных понятийных традиций подтверждает, что различие между понятиями историческая политика и политика памяти в Центральной Европе носит не только лексический, но и аналитико-методологический характер. Если первая преимущественно фиксирует институционально-правовые, образовательные и внешнеполитические механизмы управления прошлым, то вторая охватывает более широкий социокультурный, коммеморативный и медийный регистр. Следовательно, их частичное сближение в англоязычном и транснациональном обороте следует рассматривать не как доказательство полной тождественности, а как результат межъязыкового переноса и дисциплинарной конвергенции.

Заключение

Таким образом, обращение к прошлому в Центральной Европе выступает не побочным продуктом политических перемен, а устойчивым механизмом производства легитимности, проходящим долгую траекторию от национализирующих практик «долгого» XIX века через травматический опыт мировых войн к институционализированным режимам памяти конца XX — начала XXI веков. В этой траектории память сперва оформляется как язык массовой мобилизации и гражданской социализации, а затем как нормативно-правовой и моральный ресурс, интегрирующий национальные сообщества и предлагающий им стандарты публичной саморефлексии. После 1989 г. память выступает в качестве инструмента европеизации, согласующего локальные исторические сюжеты с наднациональными ожиданиями и правилами.

Именно в этой логике разделение исторической политики и политики памяти оказывается аналитически продуктивным: если первая фиксирует целенаправленные вмешательства публичной власти в сферу интерпре-

таций, то вторая охватывает более широкий социокультурный регистр мнемонических практик, причём их эмпирические пересечения не отменяют различия исследовательских фокусов. Вместе с тем смешение этих уровней — частая проблема межъязыковых переносов, когда различия, обусловленные национальными контекстами, трансформируются в транснациональном контексте, что приводит к определённой «путанице».

Сравнительная перспектива показывает, что в странах Центральной Европы управление прошлым складывается на пересечении национальных приоритетов и общеевропейских ориентиров, причём европейский уровень не снимает конфликтов интерпретации, а переводит их в процедурную плоскость, где наднациональные нормы и институциональные формы организации памяти задают рамку сопоставимости и взаимного признания, оставляя пространство для локальных и региональных вариаций. Именно поэтому центральноевропейские сюжеты — от оценки коммунистического прошлого до сопоставления травм — становятся предметом многоуровневых «переговоров» между правом, наукой, гражданским обществом и внешнеполитическими целеполаганиями.

Выдвинутая гипотеза о том, что различие между понятиями историческая политика и политика памяти в Центральной Европе после 1989 г. имеет не только терминологическое, но и аналитико-методологическое значение, в целом находит подтверждение. *Во-первых*, реконструкция исторической траектории обращения к прошлому показала, что память в регионе выступает не только культурным, но и институционально-нормативным ресурсом политической легитимации. *Во-вторых*, анализ европеизации памяти после 1989 г. продемонстрировал, что прошлое стало важным инструментом внутренней демократической легитимации и одновременно средством включения центральноевропейских государств в наднациональное европейское пространство норм, ценностей и символических ожиданий. *В-третьих*, сопоставление польской, венгерской, словацкой и чешской понятийных

традиций, а также их англоязычных трансляций, показало, что историческая политика устойчивее связана с институционализированными стратегиями публичной власти

по управлению прошлым, тогда как политика памяти охватывает более широкий культурно-коммеморативный регистр мнемонических практик.

Список литературы

- Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4. С. 106–123.
- Бетмакаев А.М. Влияние политики памяти в странах Вишеградской группы на формирование региональной идентичности // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2021. № 37. С. 47–54.
- Калинин И. Историческая политика // Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 335–375.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 289–291.
- Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 7–33.
- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 43–64.
- Цымбал А.Г. Историческая политика: к проблеме концептуализации понятия // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2023. № 4. С. 38–41.
- Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / ed. by E. R. Goodin, C. Tilly. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 210–224. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0011
- Assmann A. Europe: A Community of Memory? // GHI Bulletin. 2007. No. 40. P. 11–25.
- Berger S. The Power of National Pasts: Writing National History in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe // Writing the Nation: A Global Perspective / ed. by S. Berger. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 30–62.
- Fischer H. Public history, emlékezetkultúra, történelempolitika. Helyük Németország jelenkori történettudományában // Történelmi Szemle. 2012. Vol. 54. No. 3. O. 389–410.
- Gawin D., Kowal P. Polska Polityka Historyczna // Polityka Historyczna: Historycy – Politycy – Prasa Konferencja pod honorowym patronatem Jana Nowaka-Jeziorańskiego, Pałac Raczyńskich w Warszawie / ed. by A. Paneka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. S. 11–14.
- Gustafsson K., Málksoo M. Memory-Political Deterrence: Shielding Collective Memory and Ontological Security through Dissuasion // International Studies Quarterly. 2024. Vol. 68. No. 1. P. 1–12. Article sqae006. DOI: 10.1093/isq/sqae006
- Gjuričová A., Kopeček M., Roubal P., Suk J., Zahradníček T. Rozdělení minulosti: Vytváření politických identit v České republice po roce 1989. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2012. 414 s.
- Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 631 p.
- Hahn H. Pamięć zbiorowa — przedmiot polityki historycznej // Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej / ed. by B. Korzeniewski. Poznań: Instytut Zachodni, 2008. S. 29–42.
- Halász I. The Central European History in Constitutional Preambles: State Narrative and Governance Implications // Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2024. Vol. 32. No. 1. P. 131–148. DOI: 10.1080/25739638.2024.2319995
- Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 263–308.
- Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London: Michael Joseph, 1994. 614 p.
- Huyssen A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia // Public Culture. 2000. Vol. 12. No. 1. P. 21–38.
- Kopeček M. In Search of “National Memory”: The Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989 / ed. by M. Kopeček. Budapest; New York: Central European University Press, 2008. P. 75–92.
- Labno A. The Legal Aspects of the Politics of Memory // Politics of Memory / ed. by J. Lubecka, M. Zakrzewski. Krakow: Ignatianum University Press, 2023. P. 107–126.
- Leggiewie C. A Tour of the Battleground: The Seven Circles of Pan-European Memory // Social Research. 2008. Vol. 75. No. 1. P. 217–234.
- Littotz-Monnet A. The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? // West European Politics. 2012. Vol. 35. No. 5. P. 1182–1202.

- Mälksoo M.* The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15. No. 4. P. 653–680.
- Kucia M.* The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2016. Vol. 30. No. 1. P. 97–119. DOI: 10.1177/0888325415599195
- Marrus M.R.* *The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46: A Documentary History*. Boston; New York: Bedford/St. Martin's, 1997. 288 p.
- Mink G., Neumayer L.* *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. London: Palgrave Macmillan, 2013. 270 p. DOI: 10.1057/9781137302052_1
- Mosse G.L.* *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975. 288 p.
- Musiał F.* *The Politics of Memory and History* // *Politics of Memory* / ed. by J. Lubecka, M. Zakrzewski. Krakow: Ignatianum University Press, 2023. P. 73–88.
- Nagy Á.* Az emlékezet forrásai – emlékezetpolitika vagy történelempolitika // *Korall*. 2020. Vol. 81. P. 181–196.
- Nijakowski L.* *Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny*. Warszawa: Wydawn. Akademickie i Profesjonalne, 2008. 286 s.
- Ponczek E.* Polityka wobec pamięci versus polityka historyczna: aspekty semantyczny, aksjologiczny i merytoryczny w narracji polskiej // *Przegląd Politologiczny*. 2013. Vol. 2. S. 7–22. DOI: 10.14746/pp.2013.18.2.1
- Schmid H.* Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Zur Historisierung der Kategorie "Geschichtspolitik" // *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis* / ed. by H. Schmid. Göttingen: V&R Unipress, 2009. S. 53–75.
- Sipos G.* Emlékezetpolitika és felelősség // *Magyar Rendészet*. 2015. Vol. 1. No. 2. O. 137–150.
- Sierp A.* *The Politics of Memory: Between History, Identity and Conflict* // *Government and Opposition*. 2025. Vol. 60. No. 4. P. 1464–1483. DOI: 10.1017/gov.2025.10011
- Szumski J.* The USSR's Politics of History toward the Slavic Countries of the Eastern Bloc: Formal and Institutional Frameworks, 1945–1989 // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2019. Vol. 64. No. 4. P. 61–81. DOI: 10.4467/0023589XKHNT.19.031.11039
- Traba R.* *The Past in the Present. The Construction of Polish History*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 336 p.
- Winter J.* *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Canto Classics. 310 p.
- Wójcik A.* Polityka historyczna jako forma budowy wizerunku Polski na arenie międzynarodowej // *Świat Idei i Polityki*. 2016. Vol. 15. S. 438–451.
- Wolff-Powęska A.* *Polskie spory o historię i pamięć: Polityka historyczna* // *Przegląd Zachodni*. 2007. Vol. 63. No. 1. S. 3–44.

HISTORICAL POLITICS AND MEMORY POLITICS IN CENTRAL EUROPE

GENEALOGIES OF CONCEPTS, NATIONAL CONTEXTS, AND THE EUROPEANIZATION OF MEMORY

PAVEL DOTSENKO

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia

Abstract

This article examines the relationship between the concepts of “historical politics” and “politics of memory” in Central Europe after 1989. The author focuses on the political and commemorative forms of engaging with the past that have emerged in the context of post-socialist transformation, democratic

transition, and European integration. Particular attention is given to the analysis of the Europeanization of memory as a process in which national historical narratives are correlated with supranational European norms and symbolic frameworks. Drawing on Polish, Hungarian, Czech, and Slovak conceptual traditions, the author demonstrates that historical politics and the politics of memory in scholarly and public discourse often converge but are not reducible to one another. Historical politics refers primarily to institutionalized strategies of public authorities for managing the past, whereas memory politics encompasses a broader sociocultural and commemorative register of practices. Overall, the distinction between these concepts retains independent analytical and methodological significance for the study of Central European approaches to the past after 1989.

Keywords:

Central Europe, historical politics, politics of memory, European integration

References

- Achkasov V.A. (2013). "Politika pamyati" kak instrument stroitel'stva postsotsialisticheskikh natsii ["The politics of memory" as a tool for building post-socialist nations]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 16. No. 4. P. 106–123.
- Assmann A. (2006). Memory, Individual and Collective. In: E. R. Goodin, C. Tilly (eds) *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford University Press. P. 210–224. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0011
- Assmann A. (2007). Europe: A Community of Memory? *GHI Bulletin*. No. 40. P. 11–25.
- Berger S. (2007). The Power of National Pasts: Writing National History in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. In: S. Berger (ed.) *Writing the Nation: A Global Perspective*. London: Palgrave Macmillan. P. 30–62.
- Betmakaev A.M. (2021). Vliyaniye politiki pamyati v stranakh Vishegradskoi gruppy na formirovaniye regional'noi identichnosti [The influence of memory politics in the Visegrad Group countries on the formation of regional identity]. *Diary of the Altai School of Political Studies*. No. 37. P. 47–54.
- Fischer H. (2012). Public history, emlékezetkultúra, történelempolitika. Helyük Németország jelenkori történettudományában. *Történelmi Szemle*. Vol. 54. No. 3. o. 389–410.
- Gawin D., Kowal P. (2005). Polska Polityka Historyczna. In: A. Panecka (ed.) *Polityka Historyczna: Historycy – Politycy – Prasa Konferencja pod honorowym patronatem Jana Nowaka-Jeziorańskiego, Pałac Raczyńskich w Warszawie*. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego. s. 11–14.
- Gustafsson K., Mälksoo M. (2024). Memory-Political Deterrence: Shielding Collective Memory and Ontological Security through Dissuasion. *International Studies Quarterly*. Vol. 68. No. 1. P. 1–12. Article sqae006. DOI: 10.1093/isq/sqae006
- Gjurčiová A., Kopeček M., Roubal P., Suk J., Zahradníček T. (2012). *Rozdělení minulosti: Vytváření politických identit v České republice po roce 1989*. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR. 414 s.
- Habermas J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press. 631 p.
- Hahn H. (2008). Pamięć zbiorowa — przedmiot polityki historycznej. In: B. Korzeniewski (ed.) *Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej*. Poznań: Instytut Zachodni. s. 29–42.
- Halász I. (2024). The Central European History in Constitutional Preambles: State Narrative and Governance Implications. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. Vol. 32. No. 1. P. 131–148. DOI: 10.1080/25739638.2024.2319995
- Hobsbawm E. (1983). Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914. In: E. Hobsbawm, T. Ranger (eds) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 263–308.
- Hobsbawm E. (1994). *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. London: Michael Joseph. 614 p.
- Huysen A. (2000). Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. *Public Culture*. Vol. 12. No. 1. P. 21–38.
- Kalinin I. (2021). Istoricheskaya politika [Historical politics]. In: A. Zavatsky, V. Dubina (eds) *Theory and Practice of Public History*. Moscow: New Publishing House. P. 335–375.
- Kopeček M. (2008). In Search of "National Memory": The Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe. In: M. Kopeček (ed.) *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989*. Budapest; New York: Central European University Press. P. 75–92.
- Kopeček M. (2021). From Narrating Dissidence to Post-Dissident Narratives of Democracy: Anti-totalitarianism, Politics of Memory and Culture Wars in East-Central Europe 1970s–2000s. In: P. Barša, Z. Hesová, O. Slačálek (eds) *Central European Culture Wars: Beyond Post-communism and Populism*. Prague: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. P. 28–84.

- Kucia M. (2016). The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*. Vol. 30. No. 1. P. 97–119. DOI: 10.1177/0888325415599195
- Labno A. (2023). The Legal Aspects of the Politics of Memory. In: J. Lubecka, M. Zakrzewski (eds) *Politics of Memory*. Krakow: Ignatianum University Press. P. 107–126.
- Leggewie C. (2008). A Tour of the Battleground: The Seven Circles of Pan-European Memory. *Social Research*. Vol. 75. No. 1. P. 217–234.
- Littoz-Monnet A. (2012). The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? *West European Politics*. Vol. 35. No. 5. P. 1182–1202.
- Malinova O.Yu. (2019). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [Memory politics as a field of symbolic politics]. *METHOD: Moscow Annual of Social Sciences*. No. 9. P. 289–291.
- Mälksoo M. (2009). The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe. *European Journal of International Relations*. Vol. 15. No. 4. P. 653–680.
- Marrus M.R. (1997). *The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46: A Documentary History*. Boston; New York: Bedford/St. Martin's. 288 p.
- Miller A. (2012). Istoricheskaya politika v Rossii: novyi povorot? [Historical Politics in Russia: A New Turn?]. In: A. Miller, M. Lipman (eds) *Historical Politics in the 21st Century*. Moscow: New Literary Review. P. 7–33.
- Mink G., Neumayer L. (2013). *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. London: Palgrave Macmillan. 270 p. DOI: 10.1057/9781137302052_1
- Mosse G.L. (1975). *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 288 p.
- Musiał F. (2023). The Politics of Memory and History. In: J. Lubecka, M. Zakrzewski (eds) *Politics of Memory*. Krakow: Ignatianum University Press. P. 73–88.
- Nagy Á. (2020). Az emlékezet forrásai – emlékezetpolitika vagy történelempolitika. *Korall*. Vol. 81. P. 181–196.
- Nijakowski L. (2008). *Polska polityka pamięci*. Esey socjologiczny. Warszawa: Wydawn. Akademickie i Profesjonalne. 286 s.
- Ponczek E. (2013). Polityka wobec pamięci versus polityka historyczna: aspekty semantyczny, aksjologiczny i merytoryczny w narracji polskiej. *Przegląd Politologiczny*. Vol. 2. s. 7–22. DOI: 10.14746/pp.2013.18.2.1
- Schmid H. (2009). Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Zur Historisierung der Kategorie "Geschichtspolitik". In: H. Schmid (ed.) *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis*. Göttingen: V&R Unipress. S. 53–75.
- Sipos G. (2015). Emlékezetpolitika és felelősség. *Magyar Rendészet*. Vol. 1. No. 2. o. 137–150.
- Sierp A. (2025). The Politics of Memory: Between History, Identity and Conflict. *Government and Opposition*. Vol. 60. No. 4. P. 1464–1483. DOI: 10.1017/gov.2025.10011
- Szumski J. (2019). The USSR's Politics of History toward the Slavic Countries of the Eastern Bloc: Formal and Institutional Frameworks, 1945–1989. *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. Vol. 64. No. 4. P. 61–81. DOI: 10.4467/0023589XKHNT.19.031.11039
- Traba R. (2009). Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the 21st century]. *Pro et Contra*. No. 3–4(46). P. 43–64.
- Traba R. (2015). *The Past in the Present. The Construction of Polish History*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 336 p.
- Troebst S. (2014). Geschichtspolitik. In: *Docupedia-Zeitgeschichte*. Available at: https://docupedia.de/zg/troebst_geschichtspolitik_v1_de_2014 (accessed 05.11.2025) DOI: 10.14765/zfz.dok.2.590.v1
- Tsymbal A.G. (2023). Istoricheskaya politika: k probleme kontseptualizatsii ponyatiya [Historical politics: towards conceptualizing the concept]. *Vysheyshaya Shkola: Scientific, Methodological, and Publicistic Journal*. No. 4. P. 38–41.
- Winter J. (2014). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press. Canto Classics. 310 p.
- Wójcik A. (2016). Polityka historyczna jako forma budowy wizerunku Polski na arenie międzynarodowej. *Świat Idei i Polityki*. Vol. 15. s. 438–451.
- Wolff-Powęska A. (2007). Polskie spory o historię i pamięć: Polityka historyczna. *Przegląd Zachodni*. Vol. 63. No. 1. s. 3–44.